



ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИКЪ.



1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

ДѢТСТВО ЧЕХОВА.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..

И. Тургеневъ.

Начало 70-хъ годовъ минувшаго вѣка.

Майское утро..

Въ Таганрогѣ, на тихой Конторской улицѣ, стоитъ небольшой каменный уютный домикъ - особнякъ, привлекающій вниманіе своими свѣтлыми окнами со сплошными стеклами.

Къ домику примыкаетъ большой дворъ съ садомъ. Вездѣ чувствуются порядокъ и хозяйскій глазъ.

Въ домикѣ съ полами „подъ паркетъ“ происходитъ, по случаю праздника, особенная сгѣшка.

Среднихъ лѣтъ женщина, съ пріятными чертами молочно-бѣлаго лица и мягкими женственными движеніями, торопится въ церковь. Ей хочется поскорѣе и самой получше нарядиться, и дѣтей одѣть по-праздничному.

Ея мужъ, человѣкъ порядка и твердыхъ религіозныхъ правилъ, уже ушелъ въ церковь. И она знаетъ, какъ онъ не любитъ, когда кто-нибудь изъ его семьи манкируетъ церковной службой.

Но что подблаетъ? Она и сама любитъ поспать. И всегда ей жаль рано поднимать съ постели сладко спящихъ дѣтей.

И въ этотъ день особенно озадачиваетъ ее большеголовый мальчикъ, спящій въ столовой. Невзирая на возню въ домѣ, онъ закутался въ одѣяло и храпитъ во всю ивановскую. Мать нѣсколько разъ подходила къ нему, тормошила его и всячески взывала къ нему:

— Голубчикъ, Антоша! Ну, вставай же, пожалуйста! Все уже встали, одѣлись и ушли въ церковь... Вставай же, ради Бога!..

Но большоголовой мальчикъ, съ лунообразнымъ и такимъ же молочно-бѣлымъ, какъ у матери, лицомъ, сладко всхрапываетъ, сонно бормочетъ и еще рѣшительнѣе кушается въ одѣяло.

Мать разводитъ руками и, не умѣя ни кричать, ни гнѣваться на дѣтей, отходить отъ непробудно спящаго мальчика.

Что съ нимъ подѣлаешь? Пусть спитъ. Ему же потомъ хуже будетъ, когда отецъ замѣтитъ его отсутствіе въ церкви.

И, шурша праздничнымъ платьемъ и мягко скользя по комнатамъ, миловидная женщина беретъ дѣтей и уходитъ въ церковь.

Но, дойдя до угла Конторской улицы, она невольно останавливается, пораженная неожиданнымъ зрѣлищемъ. На углу стоитъ мальчикъ въ синемъ гимназическомъ мундирѣ и приплюснутой кепи набекрень. Кепи, видимо, не успѣваетъ расти за головой и еле держится. Гимназистъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на ея спящаго любимца. И такая же большая голова, и такое же выпяченное брюшко, съ незастегнутой пуговицей.

— Господи! Да, вѣдь, это и есть Антоша! Ахъ, проказникъ!

И, дѣйствительно, это былъ тотъ самый мальчикъ, котораго мать оставила нѣсколько минутъ назадъ, какъ бы мертвецки спящимъ.

Это былъ одинъ изъ его новыхъ рекордовъ по части шутокъ съ милой матерью.

Пока она хлопотала съ другими дѣтьми, онъ незамѣтно одѣвался подъ одѣяломъ и до иллюзии подражалъ спящему. Но, какъ только мать вышла изъ дому, мальчикъ съ быстрой молніи вскочилъ съ постели, перебѣжалъ черезъ дворъ на другую улицу и съ пресерьзнымъ лицомъ встрѣтилъ мать, сиявшую радостью жизни.

* * *

Этимъ проказникомъ былъ сынъ 2-й гильдіи купца Павла Егоровича Чехова—будущій писатель А. П. Чеховъ, извѣстный между гимназическими товарищами подъ кличками: Антоши Чехонте или Антона Падловича.

„Антонъ Падловичъ“ произошелъ такимъ образомъ:

Чувствуя необыкновенную склонность къ чтенію, будущій писатель выписать себѣ на заработокъ, добытый уроками, московскую иллюстрированную „Газету Гатцука“. Однако при напечатаніи адреса на обложкѣ вышла досадная ошибка. Въмѣсто: „Павловичу“, было напечатано: „Падловичу“.

Правда, юный подписчикъ всякій разъ тщательно исправлять погрѣшность редакціи.

Но „Антонъ Падловичъ“ все-таки привился. Такъ что многіе и въпослѣдствіи употребляли въ шутку этотъ эпитетъ, не зная его происхожденія.

Вообще „Газета Гатцука“, видимо, играла значительную роль во внутренней формации будущаго писателя. Онъ зачитывался ею, старательно хранилъ №№ и, влекомый всегда къ шуткѣ, устраивалъ иногда такую забаву: возьметъ, бывало, и напишетъ гдѣ-нибудь:

„Кому честь и слава?“

Окружающіе недоумѣваютъ. Но черезъ нѣкоторое время на томъ же самомъ мѣстѣ появляется и разгадка въ видѣ наклеенной обложки „Газеты Гатцука“:

„Антону Павловичу Чехову“.

И онъ не ошибся въ своихъ предсказаніяхъ. Изъ всѣхъ обитателей трехконнаго домика на Конторской улицѣ „честь и слава“ выпала, дѣйствительно, ему.

* * *

Евгенія Яковлевна, мать А. П. Чехова, идетъ, окруженная дѣтьми, и, съ несбѣгающей съ губъ улыбкой отъ новыхъ шутокъ Антоши, направляется къ церкви. У Антоши же, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, лицо становится особенно серьезнымъ. Только глаза, блестящіе юморомъ, и лукаво углублявшіяся ямочки на щекахъ и выдавали „закулисныя“ тайны.

Съ годами круглое лицо А. П. Чехова все худѣло, желтѣло и удлинялось, а прелестныя ямочки на молочно-бѣлыхъ щекахъ все заравнивались щебнемъ жизни.

Но тогда, въ семидесятые годы, какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..

У церкви Евгенію Яковлевну ждалъ новый сюрпризъ.

Другой ея сынъ, Николай, дѣятельнѣйшій сподвижникъ Антоши по организаціи всякихъ шутокъ, забрался заранѣе на колокольню и встрѣтилъ любимую мать... церковнымъ трезвономъ, точно архіерея.

Это произвело большой эффектъ. И Евгенія Яковлевна, невзирая на мѣсто, гдѣ она находилась, никакъ не могла отдѣлаться отъ прилива веселости.

* * *

Дѣти Чеховыхъ съ чиннымъ видомъ занимаютъ въ дворцовой церкви свои исключительныя и привилегированныя мѣста. Они въ своемъ родѣ артисты и поютъ, подъ руководствомъ отца, различные каноны, доставляя иногда прихожанамъ большое наслажденіе своими стройными напѣвами.

Исполнительный, принципиальный и таящій въ себѣ истиннаго артиста, Павелъ Егоровичъ Чеховъ отдавался церковному пѣнію всею душою. И бывалъ иногда настоящимъ Сафоновымъ относительно своего „хора“.

Дѣти Чеховыхъ, Михаилъ, Иванъ и Николай, пѣли ди-скантами, у Антоша былъ альтъ, у старшаго сына Александра—густой не по лѣтамъ басъ.

— До, ти, то, тамъ!—сосредоточенно произносилъ, понижая голосъ, Павелъ Егоровичъ, наклоняясь къ дѣтямъ съ гудѣвшимъ въ рукѣ камертономъ.

И самъ какъ бы превращался въ камертонъ.

Но постоянно играющая селезенка въ сынѣ Антошѣ и тутъ проявляла себя.

Евгенія Яковлевна стояла въ церкви около дѣтей. И вотъ, чувствуя, что мать смотритъ на него, Антоша какъ-то особенно уморительно начиналъ двигать отстающей подметкой, производя такое впечатлѣніе, какъ будто сапогъ шамкалъ губами. Евгенія Яковлевна забывала о молитвѣ и съ улыбкой отдавалась уморительному зрѣлищу. Антоша только и добивался этого.

Но не всегда его шутки съ любимой матерью благополучно сходили ей съ рукъ.

Однажды вечеромъ Павелъ Егоровичъ читалъ дома что-то поучительное. Антоша, въ видѣ развлечения, снялъ сапоги и стоялъ босикомъ около матери. Увлеченный чтеніемъ, Павелъ Егоровичъ не видѣлъ, что Антоша въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, какъ бы въ избыткѣ чувствъ, легъ на

поль и задвигалъ пальцами ногъ. Евгенія Яковлевна не выдержала и прыснула отъ смѣха. Павелъ Егоровичъ прервалъ чтеніе и голосомъ укорины произнесъ въ пространство:

— Если мать, и такъ относится, то какой же примѣръ остается дѣтямъ?

И продолжалось чтеніе.

Евгенія Яковлевна сдѣлала знакъ Антошѣ и притихла.

Но она, сотканная вся изъ материнства и женственности, не могла быть иной, чѣмъ была, безсознательно, но безошибочно разрѣшая всю великую задачу.

Какъ голубь узнаетъ истинное направленіе къ родному гнѣзду черезъ невѣдомыя ему пространства, такъ и Евгенія Яковлевна находила истинный путь къ сердцамъ дѣтей своимъ чудеснымъ материнскимъ чутьемъ.

Всегда ласковая и снисходительная къ дѣтскимъ слабостямъ, она создавала въ семьѣ атмосферу, незамѣнимую никакими проповѣдями. Дѣти называли ее: „мамочкой“ и „амочкой“. У меньшихъ же, вмѣсто: „амочка“, выходило: „ямочка“.

Обаятельныя черты Евгеніи Яковлевны смягчали въ домѣ все острое, терпкое и шероховатое. И въ домѣ у Чеховыхъ постоянно бывали свои Ракитины, относившіяся къ Евгеніи Яковлевицѣ съ трогательной дружественностью.

Одинъ изъ друзей Павла Егоровича, купецъ Л., часто бывавшій въ домѣ Чеховыхъ и полушутя журившій Павла Егоровича, что тотъ не достаточно высоко цѣнить выпавшее ему на долю драгоценное сокровище, такъ и остался холостякомъ, мечтающимъ встрѣтить когда-нибудь на своемъ пути вторую Евгенію Яковлеву.

Но онъ ошибался: Павелъ Егоровичъ Чеховъ зналъ толкъ въ „сокровищахъ“ и не показывалъ этого только вслѣдствіе своей сдержанности въ выраженіи сердечныхъ чувствъ. Этимъ свойствомъ, какъ лучшимъ даромъ, онъ наградила и своего сына Антона.

При такихъ условіяхъ росъ будущій писатель, сохранившій до смерти съ матерью самыя лучшія отношенія, напоминавшія иногда плѣнительную дружбу между братомъ и сестрою.

„Антоша“, „Антошечка“, „голубчикъ“—вотъ ея обычныя обращенія къ нему. А съ его стороны постоянно какая-нибудь милая шутка.

И нельзя безъ умиленія слушать разсказовъ Евгении Яковлевны о томъ, какъ она полутайкомъ уходила съ Антошей въ театръ въ Таганрогъ.

Смушало лишь иногда ее поведеніе Антоши въ театрѣ, когда онъ начинатьъ вызывать своимъ звучнымъ голосомъ не только исполнителей, но и нѣкоторыхъ зрителей, отличавшихся комическими особенностями.

— Гутер-рманъ! — раздается на весь театръ голосъ Антоши.

У Евгении Яковлевны сердце такъ и захолонетъ.

— Господи, какъ бы не досталось Антошечкѣ за это?

* * *

Недавно, при открытіи чеховской комнаты въ санаторіи при станціи „Крюково“, Вл. П. Немировичъ-Данченко интересно разсказывалъ о Чеховѣ, какъ о драматургѣ, и какъ бы съ изумленіемъ упомянулъ, что въ авторѣ „Вишневаго сада“ его поражало всегда тонкое пониманіе сцены...

Но театръ въ юношескіе годы Чехова былъ одно время его страстью. Кромѣ того, у Чехова было выдающееся отъ природы актерское дарованіе.

Товарищи его дѣтства и родственники до сихъ поръ не могутъ вспоминать безъ смѣха о всевозможныхъ комическихъ сценахъ, устраиваемыхъ А. П. Чеховымъ во дни его юности.

Путемъ незамѣтнаго грима онъ могъ до такой степени измѣнить свое лицо и весь преобразиться, что даже близкіе ему люди не узнавали его и по цѣлымъ часамъ бесѣдовали съ А. П., какъ съ новымъ лицомъ.

Любимымъ типомъ Чехова одно время былъ выслужившійся до значительныхъ степеней чиновникъ въ бѣломъ жилетѣ и бланжевыхъ панталонахъ, державшій себя съ достоинствомъ, съ поднятой головой и говорившій докторальнымъ баскомъ. Для большаго отбѣнка его сановности, меньшій братъ, Иванъ, изображалъ обыкновенно мелкаго, заискивающаго чиновника.

И невозможно было безъ хохота смотрѣть на нихъ, когда они, сохраняя типическія особенности изображаемыхъ лицъ, составляли съ барышнями кадрили, при чемъ Антоша ходилъ гоголемъ, а Иванъ смѣнилъ передъ нимъ и поминутно уступалъ ему дорогу.

Но внѣшними видоизмѣненіями не ограничивалось артистическое дарованіе А. П. Чехова. У него еще быть чудесный импровизаторскій даръ. И онъ по цѣлымъ часамъ могъ разсказывать различныя исторіи со всѣми типическими деталями.

Особенно интересно у него выходили варіаціи о сотвореніи міра, когда коринка была до такой степени смѣшана съ изюмомъ, что ихъ невозможно было отличить, а луну должны были отмывать прачки, и т. д.

Любилъ еще Чеховъ „говорить по телефону“.

Какъ-то мы были съ нимъ въ гостяхъ. Заговорили объ одномъ знакомомъ, которымъ очень интересовались дамы.

— Я его попрошу по телефону пріѣхать сюда, — сказала съ серьезнымъ видомъ Чеховъ.

И, уйдя въ другую комнату, началъ бесѣдовать по телефону до такой степени правдоподобно, что всѣ мы были увѣрены въ подлинности переговоровъ. И только черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что въ домѣ и телефона не было.

Постоянная веселость и неистощимая способность въ изобрѣтеніи уморительныхъ шутокъ были отличительными чертами Чехова въ его дѣтствѣ и юности.

Онъ изо всего его хитрялся дѣлать своеобразную и смѣшную до слезъ забаву.

Братъ его, Николай, былъ отличнымъ музыкантомъ. Антонъ тоже началъ учиться играть на скрипкѣ. Но, ради шутки, прибѣгалъ иногда и къ „упражненіямъ на контрабасѣ“, т.-е. бралъ одною рукой Николая за нижнюю губу, вытягивалъ ее и, водя смычкомъ по животу, производилъ губами потрясающіе звуки.

Былъ еще одинъ уморительный номеръ въ артистическомъ репертуарѣ Чехова.

Въ нѣсколько минутъ онъ измѣнялъ свой видъ и превращался въ зубного врача, сосредоточенно раскладывающаго на столѣ свои зубоврачебные инструменты. Въ это время въ передней раздавался слезливый стонъ, и въ комнатѣ появлялся старшій братъ, Александръ, съ подвязанной щекой. Онъ немилосердно вопилъ отъ якобы нестерпимой зубной боли. Антонъ съ пресерьезнымъ видомъ успокаивать пациента, бралъ въ руки щипцы для углей, совалъ въ ротъ Александру и... начиналась „хирургія“, отъ которой присутствующіе покатывались отъ смѣха. Но, вотъ, вѣнецъ всего. 337

Наука торжествует! Антонъ вытаскиваетъ щипцами изо рта ревущаго благимъ матомъ „пациента“ огромный „больной зубъ“ (пробку) и показываетъ его публикѣ...

* * *

Самыя, однако, яркія и благоуханныя впечатлѣнія юности Чехова связаны не съ Таганрогомъ, а съ деревней Княжей, гдѣ онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы у своего дѣда, управлявшаго имѣніемъ графини Платовой.

Тутъ впервые А. П. Чеховъ прикоснулся душою къ русской природѣ и чудесно освѣтилъ ее въ дивныхъ преломленіяхъ черезъ призму художника.

Сами по себѣ поѣздки изъ города въ деревню (около 60-ти верстъ) то на лошадахъ (все зависѣло отъ „оказіи“), то на волахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ ночлегами подъ бархатнымъ небомъ Украины, на душистыхъ коврахъ свѣжаго сѣна,—уже однѣ такія поѣздки—безъ старшихъ и безъ тягостной опеки—должны были вносить въ свободолюбивую душу высоко одареннаго мальчика цѣлыя гаммы новыхъ впечатлѣній.

— Цобъ! Цабэ! — кричали малороссы въ полотняныхъ шароварахъ съ очкурами и, въ полномъ убѣжденіи своей правоты, нещадно били батогами зазѣвавшихся воловъ, не сворачивавшихъ своевременно въ ту или другую сторону.

Они должны же понимать, что значить „цобъ“, а что такое „цабэ“.

* * *

Однажды братьямъ Чеховымъ (Ивану и Антону) пришлось ѣхать въ Княжую дѣйствительно по-княжески: въ роскошной каретѣ, возвращавшейся изъ Таганрога.

Комфортъ путешествія въ каретѣ увеличивался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что братья везли съ собою въ подарокъ дѣду двѣ бутылки вина „висанту“. Но томимымъ нестерпимой жаждой путешественникамъ пришлось прибѣгнуть къ опыту: можетъ ли вино въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнить воду, или не можетъ? Оказалось, что очень даже можетъ.

Но когда при остановкѣ, гдѣ былъ колодець, братья дополнили начатую бутылку водою, то у Антона зародилось сомнѣніе: достаточно ли искусно они дѣлали свои

опыты? Сравнивъ обѣ бутылки на свѣтъ, братья единодушно пришли къ заключенію, что задача искусства требуетъ, чтобы и вторая бутылка была уравнена по содержанию съ первой...

* * *

Дѣдъ Чеховыхъ, жившій всегда въ Малороссіи и являвшійся какъ бы органической частью деревни Княжеѣ, былъ на рѣдкость цѣльной, независимой и своеобразной личностью.

Даже одѣвался онъ не такъ, какъ другіе, а всегда соединялъ жилетъ и брюки, посредствомъ пуговицъ, въ одно цѣлое, представляя собою какъ бы подвижную бронзовую статую.

Пріѣздъ внуковъ всегда радовалъ гостепріимнаго старика, и онъ помѣщаль ихъ иногда, точно „графятъ“, въ огромномъ барскомъ домѣ, всячески баловалъ ихъ по-своему, возилъ на бѣговыхъ дрожкахъ по полямъ, познакомилъ ихъ съ процессомъ куренія и гонораромъ (по 3 коп.) за литературные труды въ конторѣ.

Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ строгъ и педагогичен до неумолимости. Такъ: до извѣстнаго времени нельзя было ни подь какимъ видомъ пользоваться яблоками въ графскомъ саду. Такимъ же неумолимымъ охранителемъ былъ и его подручный Карпуша. И молодые Чеховы, невзирая ни на какія диверсіи, все-таки не могли лакомиться яблоками. А яблоки были на рѣдкость соблазнительныя.

Но однажды Антонъ предложилъ пари брату Ивану, что сорветъ въ саду не только какое-нибудь, а любое яблоко и не ночью, не тайкомъ, а днемъ и въ присутствіи дѣдушки.

Пари было принято.

Въ назначенный часъ Антонъ вызываетъ въ садъ дѣда и, поставивши брата Ивана лицомъ къ намѣченному яблоку, заявляетъ дѣду, что перепрыгнетъ черезъ брата...

Дѣдъ засосалъ трубку и подзадоривающе сказалъ:

— А ну! А ну!

Антонъ разбѣжался и, перепрыгнувъ черезъ брата, одновременно сорвалъ и указанное яблоко...

Дѣдъ былъ въ восторгѣ отъ ловкости внука и хохоталъ на весь садъ.

* * *

Но самымъ любимымъ занятіемъ будущаго писателя въ деревнѣ было пребываніе въ людской, гдѣ хохлушка-стряпуха удивительно мастерила „затерку“ и гдѣ бывалъ постоянный свѣжій притокъ поденныхъ рабочихъ и работницъ съ ихъ своеобразнымъ говоромъ и свычаями.

Особенно привлекали Чехова хохлы и хохлушки, въ ихъ пестрыхъ „плахтахъ“ до колѣнъ, плотно облегавшихъ молодя, крѣпкія формы.

Онъ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними, слушалъ ихъ дивныя украинскія пѣсни, участвовалъ въ ихъ забавахъ, любовался чудесными зорями, спалъ на свѣжемъ сѣнѣ и загоралъ за лѣто, какъ цыганъ, и свыкался съ деревней, какъ съ милой подругой жизни.

И когда, въ концѣ лѣта, приходилось возвращаться опять въ Таганрогъ, то нѣкоторое время Чеховъ грустилъ и томился, какъ будто оставилъ въ Княжеѣ часть своей души.

И ни о чемъ такъ охотно и такъ увлекательно онъ не говоритъ, бывало, какъ о минувшихъ дняхъ его весны.

И сколько разъ, поглядывая на его обостренныя недугомъ черты, съ застывшими тѣнями около усовъ, гдѣ нѣкогда были игравшія жизнью ямочки, я невольно думалъ:

— А все же какъ хороши, какъ свѣжи были розы!..

П. Сергѣенко.

